

Очевидно же: ты платишь деньги, я отрабатываю, а после выпуска мы расходимся каждый своей дорогой! Но кто тогда этот наглый тип, который прилип к Тун Ли, словно банный лист?

— Лу Яньсюань, ты ублюдок!

— Я ублюдок? Тогда ты — жена ублюдка.

По слухам, единственный сын Корпорации Лу, Лу Яньсюань, отличался холодностью и воздержанностью. Но Тун Ли на собственном опыте докажет тебе: чёрт побери, всё это ложь! Ложь от начала и до конца!

Властный, деспотичный, своевольный и до безумия любящий цундэрэ-гэнэки против наивного, обделённого любовью, очаровательного гения-шоу.

Лишь он один оставался чист

Просторный зал был усыпан лепестками роз, а высокие французские окна украшали вычурные барочные портьеры.

За окном расстилалось бескрайнее снежное море — куда ни кинь взгляд, кругом лежал ослепительно белый снег.

Внутри же царила весенняя теплота.

Десятки юношей приятной внешности сидели на длинных скамьях.

Их руки и ноги были накрепко скованы железными цепями, не позволяя и сдвинуться с места.

Глаза же были наглухо завязаны плотными повязками.

Мягкое дыхание кондиционера ласкало обнажённые тела парней, не давая им почувствовать ни малейшего холода.

В тишине постепенно зазвучала возвышенно-романтическая фортепианная мелодия Мендельсона.

Где это я? Почему я здесь?

Смутное сознание Тун Ли постепенно прояснялось, но перед глазами по-прежнему чернела непроглядная бездна.

Черт побери, да как он вообще здесь оказался?!

Он помнил лишь то, как в баре выпил предложенный барменом стакан чистой воды, а после память отключилась...

Тун Ли с ужасом осознал, что в данный момент он, судя по всему, совершенно голый!

Его тонкие бледные конечности с усилием забились, заставив цепи звонко зазвенеть, однако тело оставалось пугающе слабым и ватыным.

Погодите-ка, рядом, кажется, кто-то есть?

До слуха донеслись едва слышный скрип раскачивающегося стула и тяжелое мужское дыхание.

Тун Ли чуть повернул голову, собираясь придвинуться к незнакомцу поблизости, как вдруг из коридора за массивной дверью донесся отчетливый стук размеренных шагов.

Кто-то вошел.

Мгновение спустя чарующая фортепианная пьеса Мендельсона оборвалась на полуслове.

На смену ей из динамиков полился сладкий, приторный женский голос — то взывающий вверх, то падающий, истомный и соблазнительный.

Пусть Тун Ли и не имел опыта в подобных делах, но даже он после пары секунд понял, что это за звуки.

Чего они добиваются? Неужели их притащили сюда лишь для того, чтобы заставить слушать женские стоны из магнитофона?

Тун Ли в растерянности замер, услышав серию звуков переставляемых стульев.

Не прошло и нескольких минут, как до него донеслись странные шорохи, напоминающие падение утренней росы на листья, смешанные с прерывистым, тяжелым дыханием.

Голову заволокло туманом, мышцы налились свинцом, и изможденное тело вновь погрузилось в глубокий сон.

Сколько времени прошло, оставалось загадкой, но двери зала снова отворились.

— Молодой господин, мы уже испытали всех кандидатов, пришедших на собеседование. — Дворецкий почтительно поклонился вошедшему мужчине.

— Ну и как? — голос мужчины звучал низко и бархатисто, напоминая отполированный обсидиан.

— Услышав женские голоса, все они возбудились. За исключением... его.

Дворецкий указал на Тун Ли среди множества светлокожих юношей.

— Его?

Темные глаза мужчины слегка сузились, он отнял от лица платок, которым прикрывал нос и рот.

Воздух в зале был насыщен одурманивающим ароматом, от которого при долгом вдыхании погружаешься в сон.

Спрятав платок, он высокомерно вскинул уголки губ в дерзкой улыбке, и тяжелая, давящая аура приблизилась к привязанному неподалеку юноше.

Наклонившись, он впился взглядом в беззащитное тело парня, запечатлевая каждую детальку в своих карих зрачках.

— Отвечая молодому господину, именно его.

Краем глаза он заметил, что у остальных мужчин внизу все было мокрым и мутным; и лишь у этого — чисто, мягко и сухо.

Аристократично-точенные пальцы Лу Яньсюаня легко коснулись бедра юноши.

Белоснежная, нежная кожа. Казалось, стоило приложить чуть больше усилий, и хрупкое тело рассыпалось бы в прах.

На розоватых губах Лу Яньсюаня заиграла зловещая улыбка.

Он протянул руку и сорвал черную повязку с глаз юноши.

Парень приоткрыл глаза, словно одинокий белый пион, распустившийся посреди лепестков роз — чистый, непорочный; на его длинных пушистых ресницах дрожали капельки испарины, вызывая жгучее желание защитить; кадык на шее то поднимался, то опускался.

Глядя на него, Лу Яньсюань едва не поддался искушению прильнуть к этим губам.

— Молодой господин, как он вам... подойдет? Его зовут Тун Ли.

— Беру его. Вымойте и отправьте в мою спальню.

Уголки его губ тронула насмешливая улыбка. Набросив на подтянутое, крепкое тело черное пальто, он развернулся и исчез за дверью зала.

Прошлой ночью...

В полудреме Тун Ли казалось, будто его погрузили в теплую воду, усыпанную лепестками роз — так хорошо и уютно было вокруг.

Нежные, гладкие, словно белые лепестки роз женские руки скользили по его коже, касаясь даже самых сокровенных мест, бережно смывая грязь с макушки до пят и насухо вытирая полотенцем. Не упуская ни единой детали.

Будь это нормальный мужчина, он бы, пожалуй, не удержался от реакции даже во сне.

Впрочем, Тун Ли отличался от других. К женщинам он был абсолютно холоден.

И дело было вовсе не в психологических проблемах, а в том...

У него была особая конституция тела.

Особый аромат благовоний витал в воздухе, и вскоре он снова погрузился в глубокий сон.

Этот запах не оказывал на организм никаких побочных причин — это были натуральные благовония, помогающие уснуть.

Слуги аккуратно остригли Тун Ли ногти и сбрили все волосы на теле, оставив только те, что на голове.

Изящно упакованный, словно аппетитное угощение, он был доставлен в комнату Лу Яньсюаня.

Всю ночь большая мягкая кровать то затихала, то вновь начинала содрогаться.

Ранним утром солнечный свет, преломляясь сквозь тонкую дымку тумана, казался мягким и теплым. За окном простиралось белесое небо и бескрайние снежные просторы, в которых смутно угадывалась пронизывающая ледяная стужа по ту сторону стены.

— М-м... — Тяжелые веки Тун Ли слегка задрожали, и с длинных изогнутых ресниц сорвалась одна волосинка.

В тот самый миг, как его зрение прояснилось и он открыл глаза, по всему телу прокатилась запоздавшая, невыносимая боль, от которой он чуть снова не лишился чувств.

Тело горело огнем, а в самом сокровенном месте боль достигла предела.

Проклятье, почему всё так обернулось?

Он помнил, что из-за острой нужды в деньгах решил во время зимних каникул найти подработку.

Лу Яньсюань, учившийся с ним в одном классе, сказал ему, что в баре Hellow требуются официанты и там хорошо платят.

Лу Яньсюань дал ему свою визитку и велел разыскать управляющего баром Hellow.

Подумав о том, что деньги нужны ему срочно, Тун Ли отправился туда, решив попытаться.

Управляющий баром Hellow, выслушав, зачем он пришел, велел ему подождать и протянул стакан простой воды.

Затем он выпил ее... а проснувшись, обнаружил себя в таком положении.

На его теле живого места не было — сплошные следы чужих рук. Красные, фиолетовые, багровые синяки усеивали его целиком.

На простыне тоже виднелись грязные пятна.

Звук льющейся из душа воды смолк, и по комнате внезапно разлилась зловещая тишина, только после чего Тун Ли с запозданием сообразил: в ванной кто-то есть!

Раньше, придя в себя, он слышал мерный шум воды, но не придавал этому значения, даже не подумав, что кто-то моется.

— Ого, студент Тун проснулся? — Напоенный бархатными нотками голос мужчины звучал соблазнительно и приятно.

Он еще не успел обсохнуть — лишь небрежно обернул полотенце вокруг бедер, обнажив рельефные кубики пресса и идеальную линию живота, а капли воды стекали с его груди вниз, до безумия сексапильно.

Его черты словно высекли из камня чьей-то искусной рукой: созданные самим творцом правильные линии лица сочетали в себе изысканность и ровно столько холодной жесткости, сколько было нужно.

Словно сошедший с картины владыка.

Увидев перед собой невероятно красивого мужчину, Тун Ли на мгновение забыл обо всех

перенесенных унижениях, а его глаза, в которых словно прятались звезды, ошеломленно отразили фигуру незнакомца, запечатлев каждую деталь его выхода из ванной.

Жгучая волна краски залила его шею и поднялась до самых мочек ушей — пылающий, яростный румянцем стыда и гнева.

Тун Ли с ненавистью уставился на него:

— Лу... Янь... Сюань!

003. У него не было выбора

Капля воды медленно скатилась по точеному контуру лица Лу Яньсюаня. Кривя губы в усмешке, он холодно и отстраненно посмотрел на Тун Ли.

— Чего ты так двусмысленно зовешь меня? Вчера вечером... ты остался недоволен?

— Слезь с меня!

Щеки Тун Ли пылали от стыда и гнева, его исцарапанное тело вновь забилося в сильной дрожи. Бледно-молочная кожа вздымалась и опадала, а на хорошеньком личике проступало упрямство.

Он выглядел до того хрупким, что вызывал острое желание защитить его.

Скрытое лишь полотенцем тело Лу Яньсюаня вновь отреагировало.

Этот парень и правда чертовски затягивал...

Вытирая капли с растрепанных волос, Лу Яньсюань шагнул ближе.

— Судя по твоему виду... ты сильно разозлен?

Он поднялся на кровать, склонил свое соблазнительное тело и зажал пальцами мягкий подбородок Тун Ли.

— Ты... извращенец! Ты на самом деле со мной такое сотворил!

Глаза Тун Ли заволокла влага, чистый взгляд испуганного крольчонка наполнился гневом и столкнулся с глубокими глазами мужчины.

Они находились нос к носу, и хотя он ненавидел Лу Яньсюаня до смерти, стоило тому коснуться его тела, как Тун Ли почувствовал, что по всему организму пробегает покалывающий разряд тока, вновь пробуждая скрытое желание.

Нет... Он не мог позволить себе... снова наступить на те же грабли...

Тун Ли крепко сжал губы, впившись зубами в кожу до крови.

— В ладоши бьют двумя руками. Если уж говорить об извращениях, то ты тоже хорош. Прошлой ночью мы... в общей сложности шесть раз. Заметив кровь в уголках губ Тун Ли, Лу Яньсюань словно сорвался с цепи. Его холодные тонкие губы внезапно прижались к чужим, слизывая капли крови.

— М-м... — Тун Ли попытался вырваться, но не смог. Стиснув зубы, он изо всех сил укусил обидчика.

— Тсс... — Лу Яньсюань отстранился. — Сяо Ли, ты снова пытаешься меня дразнить?

— Лу Яньсюань, это противозаконно! Немедленно отпусти меня!

— Отпустить тебя? Ты же сам пришел сюда, а теперь сваливаешь всё на меня? Ты хотел найти быструю и высокооплачиваемую работу. Думаешь, кроме этого найдется еще хоть одна работа с такими условиями?

— Ты же говорил, что мне нужно будет работать официантом в баре...

— Разве ты сейчас не работаешь на меня, Сяо Ли? — Лу Яньсюань выпрямился. Его высокая фигура нависала над парнем, заставляя Тун Ли смотреть на него снизу вверх.

Низ живота парня, обернутый лишь белым полотенцем, как раз доходил до его лба.

— Раз тебе нужны деньги, давай возьмем каждый то, что хочет. Ты ублажаешь меня — я плачу тебе.

Он спрыгнул с кровати и принялся что-то шарить в шкафу. Обернувшись, он держал в руке две пачки купюр, которые небрежно швырнул на простыню, испачканную следами жидкости.

— Здесь ровно сто тысяч. Подумай хорошечно: можешь приходить сюда каждую ночь, по сто тысяч за раз.

Тун Ли завороченно уставился на ярко-красные банкноты, рассыпанные на постели.

Он и представить не мог, что за одну ночь такой «работы» можно получить столько денег.

Тусклый свет падал на его иссеченную красными полосами спину. Худенькое тело парня все еще висело в подвешенном состоянии, колени касались пола, а опущенный взгляд намертво впился в эти две пачки денег.

Зажмурившись, он изо всех сил сглатывал готовые сорваться с глаз слезы.

Лу Яньсюань развязал веревки на его запястьях.

Тело Тун Ли, словно марионетка с обретшими свободу нитями, безвольно осело на постель, тяжело и прерывно выдыхая.

— Ну как? Подумай над моим предложением.

Лу Яньсюань переоделся. На нем была черная рубашка на пуху и зауженные черные брюки, подчеркивавшие его безупречную фигуру.

На мгновение Лу Яньсюань даже пожалел, что Тун Ли может не принять эти деньги.

Тело Тун Ли было чистым, как белоснежный снег, и он представлял: а вдруг душа Тун Ли такая же чистая и незапятнанная, и ее не испортят эти дурно пахнущие бумажные купюры...

Тогда, возможно, их отношения перестали бы быть связью между слугой и хозяином.

Вот только он просчитался.

Подросток дрожащими руками подхватил с постели деньги, крепко сжал их в кулаках и прижал к груди.

— Спасибо, я согласен.

Слезы унижения вновь и вновь подступали к глазам, но он раз за разом силой проглатывал их.

Как сильно ему хотелось швырнуть эти деньги в наглую физиономию Лу Яньсюаня и высказать всё о его презрительном отношении к людям.

Но суровая реальность не оставляла выбора... У него просто не было другого выхода.

Мир высшего общества

Накануне ночью выпал снег. Мир после снегопада промерз до самых костей, и слабое солнце, едва касавшееся белой пелены, казалось совершенно бесполезным.

Добравшись до разбросанных по постели алых купюр, Тун Ли аккуратно упаковал их в пластиковый пакет, оделся, надел пальто, надежно спрятал сверток на груди и крепко прижал обеими руками.

Лишь встав с кровати, Тун Ли в полной мере ощутил разливающуюся по всему телу боль, будто его суставы вот-вот рассыпятся. Внутренняя сторона бедер ныла так, словно их всю ночь ломали. Каждый шаг отдавался разрывающей болью.

А особенно там — казалось, это место было стерто в кровь.

— Так сильно любишь деньги? — тихий смешок Лу Яньсюаня вонзился в уши колючей ватой, методично и унижительно втапывая в грязь его растоптанную жизнь.

Тело ломило так, будто оно развалилось на части. Опираясь о стену, Тун Ли кое-как держался на ногах.

Подняв голову, он с такой же усмешкой бросил:

— Ха, так сильно любишь это делать? Два сапога пара.

Два сапога пара?!

— Я тебе вот что скажу, Тун Ли: ты обычная шлюха, и когда мне надоест с тобой возиться, даже если ты будешь умолять меня со слезами на глазах, я больше не притронусь к тебе!

Непонятно почему, но вид этой презрительной усмешки Тун Ли внезапно лишил Лу Яньсюаня остатков рассудка. Вспышка слепой ярости заставила его грубой, сильной рукой прижать пытавшегося уйти Тун Ли к дверному полотну.

Тун Ли затрясся от боли, перед глазами всё плыло и двоилось, в сужающихся зрачках мелькали мутные тени, в голове шумело.

— Не переживай, ради лишних нескольких десятков тысяч я постараюсь разваливаться на части чуточку медленнее...

Тун Ли до крови закусил губу, его грудь тяжело и часто вздымалась.

Вдруг ледяная ладонь Лу Яньсюаня коснулась спины парня, скользнула вниз по покрытой шрамами коже и забралась под пояс брюк.

— М-м... — резкое, вторгающееся ощущение холода было настолько агрессивным, что у Тун Ли разом ослабли конечности и он чуть не потерял сознание.

— Убери... Убери руки...

— Что такое? На словах ломаешься, а на деле тело уже давным-давно готово ублажать?

Стоявший перед ним Тун Ли весь дрожал. В его прекрасных глазах мерцало невыразимое, завораживающее выражение, и каждый его вдох зажигал дикую ярость в теле Лу Яньсюаня.

— Если берешься продавать себя, делай это подобающе. Тебе стоит учиться ублажать хозяина, а не злить его.

— Черт...

В тот миг, когда наступило освобождение, тело Тун Ли, похожее на проткнутое иголкой воздушный шар, в судорогах безвольно осело на пол.

Лу Яньсюань посмотрел на собственные пальцы. Его изящные широкие брови глубоко сошлись на переносице. Достав влажную салфетку, он принялся тщательно и многократно тереть руки.

У него была брезгливость.

— Я... приду... вечером... снова...

С трудом удерживая равновесие, Тун Ли поднял взгляд на почерневшее лицо Лу Яньсюаня и дерзко усмехнулся.

На улице стоял жуткий мороз, способный заморозить всё живое. Под тонкой домашней одеждой, скрытой лишь пальто, ледяной ветер пробирал до костей, отзываясь острой болью во всех побитых мышцах.

Сначала каждый шаг давался с огромным трудом, но стоило телу окончательно онеметь от холода, как боль и знобящая дрожь внезапно отступили.

Покидая Особняк Лу, Тун Ли невольно оглянулся.

Огромную территорию Особняка Лу не получалось охватить взглядом. Его готическая архитектура походила на замок из западной сказки: укутанный снегом, продуваемый ветрами, он стоял незыблемо, демонстрируя абсолютную роскошь. Слуги с самого ранна вычищали снег, так что на дорожках не оставалось ни единой снежинки, а сугробы в саду были искусно превращены нанятыми мастерами ледяной скульптуры в причудливые арт-объекты, которые хоть сейчас ставь за витрину.

Тун Ли презрительно усмехнулся: стоит снегу растаять, и вся эта красота превратится в лужу грязной воды?

Мир богачей... Пожалуй, ему никогда не понять его суть.

Точно так же, как и то, что сумма, которую его мать зарабатывала тяжелым трудом целый год в подпольных заведениях, ему удалось заработать лежа на чужой постели всего за одну ночь.

— Молодой господин, на улице такой лютый мороз, может, отправить за Сяо Ли служебную машину? — не выдержал дворецкий, наблюдая за тем, как парень с трудом бредет по стуже.

— Всё равно не замерзнет насмерть.

— Нет, я ведь и о вас забочусь, молодой господин. Вдруг он простудится, и вам потом будет неприятно им пользоваться?

— Он всего лишь мальчик по вызову. Замерзнет один — за ним в очередь выстроится еще десяток. Дворецкий, ты сегодня слишком много болтаешь.

Угрожающий взгляд Лу Яньсюаня похолодал на тысячу футов, и дворецкий предпочел благоразумно замолчать.

Длинный узкий коридор с серыми, выцветшими стенами. В самом его конце чернела покрытая ржавчиной багровая дверь.

Это и был дом Тун Ли.

Снег замел всё вокруг, скрыв даже мрачную ауру, неизменно витавшую в переулках.

Тун Ли крепко обхватил себя руками за живот, сгорбившись в три погибели, и оставлял за собой след из глубоких вмятин в снегу — его ступни давно потеряли чувствительность от холода.

— Ха... — выдохнув облачко пара, Тун Ли дрожащими пальцами отпер дверь.

В полутемной комнате покачивалась тусклая желтая люстра, от которой резало глаза. По полу были разбросаны исписанные листы бумаги и всякий мусор.

Стуча зубами от холода, Тун Ли поспешно закрыл распахнутое сквозняком окно.

Достав со дна шкафа запрятанную кредитную карту, он сжал ее в руке, а затем вытащил спрятанные на груди деньги.

Пластиковый пакет, в котором лежали купюры, все еще сохранял остатки тепла, и Тун Ли прижимал его к себе, словно грелку.

Не теряя времени, он снова сунул их за пазуху, прихватил банковскую карту с удостоверением личности и направился в ближайший банк.

Банк открывался только в половине девятого, и Тун Ли целый час простоял на улице, пока кто-то лениво не повернул ключ в замке.

— Здравствуйте, мне нужно положить деньги на счет.

— Сколько?

— Сто тысяч.

Тун Ли вытащил из закров помятый пластиковый пакет. Работник за стеклянной

перегородкой окинул его странным, колючим взглядом.

Он прекрасно понимал, о чем думает банковский служащий: раз этот парень так бедно одет, откуда у него такая сумма? Не украл ли он ее?

Тун Ли судорожно прижал полы пальто, не смея поднять глаз на подозрительный взгляд из-за стекла.

Короткая пауза.

— Всё готово, счет пополнен.

Тяжелый груз денег, сжатый до размеров крошечной пластиковой карты, скользнул обратно через окошко вниз.

Пальцы Тун Ли слегка задрожали, когда он коснулся карты. Его руки давно распухли и покраснели, и любое соприкосновение с предметами отзывалось жжением и зудом.

— Снаружи банка есть банкомат с функцией приема наличных, в следующий раз можете воспользоваться им.

— Хорошо, спасибо. — Тун Ли поджал губы и, не оглядываясь, вышел.

Рассчитавшись с делами в банке, Тун Ли не спешил возвращаться домой.

Долго бродя по заснеженным улицам в надежде не встретить кого-нибудь из соседей, он наконец решительно нырнул в дверь придорожной аптеки.

— Здравствуйте, мне нужна упаковка таблеток экстренной контрацепции.

За прилавком стояла женщина средних лет в белом халате и очках в простой оправе.

Ее цепкий взгляд смерил Тун Ли с ног до головы, и в сорокалетних глазах отчетливо читалось сложное смешение презрения и осуждения.

<http://bllate.org/book/22277/2332182>